

Научная статья

УДК 304.2.

DOI: 10.17213/2075-2067-2022-6-83-91

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АРХЕТИПЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: СПЕЦИФИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Александр Игоревич Старовойтов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
starovoitov_85@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 567362*

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе подходов к исследованию политических архетипов и их влияния на политическую культуру российского общества.

Методологической основой исследования выступают положения теории аналитической психологии (К.-Г. Юнг), цивилизационный подход (Н.Я. Данилевский, А. Дж. Тойнби), архетипические идеи русской философии (В. Соловьев, Н. А. Бердяев, И. А. Ильин).

Результаты исследования. Политические архетипы формируют политические традиции, которые, опираясь на реальные события и символические образы прошлого, представляют ядро политической культуры общества и матрицу управления страной. Современная политическая культура российского общества определяется балансом архетипических установок и инновационных тенденций. Их соотношение, с одной стороны, позволяет социальной системе сохранять устойчивость и преемственность, а с другой — обеспечивает ее динамику и развитие.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования политических традиций и политической культуры современного российского общества.

Ключевые слова: политические архетипы, политическая культура, политические традиции, сакрализация власти, модель российской государственности, идеологема мессианства, русская идея

Для цитирования: Старовойтов А.И. Политические архетипы российского общества: специфика научного дискурса // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 6. С. 83–91. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-83-91>.

Original article

POLITICAL ARCHETYPES OF RUSSIAN SOCIETY: THE SPECIFICITY OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Alexander I. Starovoitov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
starovoitov_85@mail.ru, AuthorID RSCI: 567362*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze approaches to the study of political archetypes and their influence on the political culture of Russian society.*

The methodological basis of the study is the provisions of the theory of analytical psychology (K.-G. Jung), civilizational approach (N. Ya. Danilevsky, A.J. Toynbee), archetypal ideas of Russian philosophy (V. Solovyov, N.A. Berdyaev, I.A. Ilyin).

Research results. *Political archetypes are formed by political traditions, which, based on real events and symbolic images of the past, represent the core of the political culture of the society and the matrix of the country's governance. The modern political culture of Russian society is determined by the balance of archetypal attitudes and innovative trends. Their ratio, on the one hand, allows the social system to maintain stability and continuity, and on the other hand, ensures its dynamics and development.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the political traditions and political culture of modern Russian society.*

Keywords: *political archetypes, political culture, political traditions, sacralization of power, model of Russian statehood, ideologeme of messianism, Russian idea*

For citation: *Starovoitov A. I. Political archetypes of Russian society: the specificity of scientific discourse // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(6): 83–91. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-6-83-91>.*

Введение. Обращение к проблеме политических архетипов обусловлено необходимостью понимания их влияния на модель государственного управления российским обществом, от качества которой зависит развитие страны и ее место в современном мире. Иницируемые властью модернизационные проекты, направленные на преодоление кризисных явлений в социально-экономической сфере, сталкиваясь с российской реальностью, не только не способствуют выходу страны из кризиса, но нередко и усугубляют сложившиеся проблемы. Причины такой ситуации специалисты связывают как с культурно-цивилизационными особенностями институциональной среды российского общества, так и со спецификой системы государственного управления страной, имеющей свои политические традиции.

На сегодняшний день уже очевидно, что совокупность этих факторов оказывает влия-

ние на эффективность процесса инкорпорирования западных стандартов в различные сферы жизни российского общества. Социальная практика показывает, что попытки механического копирования западных институтов привели к распространению преимущественно имитационных форм, которые носят исключительно внешний демонстрационный характер, не затрагивая глубинные принципы организации социума.

На наш взгляд, такая ситуация свидетельствует о том, что основным барьером для данных институциональных трансформаций, иницируемых государством, выступают структуры российской ментальности. Последние обусловлены наличием определенных архетипов, представляющих собой консервативное ядро культуры, которое отторгает внедрение цивилизационно чуждых ценностей и установок. Понимание этого

заставляет обращаться к исследованию специфики российских политических архетипов и их влияния на модель государственного управления в стране.

Методология и методы исследования.

Теоретические основы исследования архетипов были заложены в психоанализе З. Фрейда и в аналитической психологии К.-Г. Юнга [25; 27]. Если в учении З. Фрейда сознание человека детерминировано сферой инстинктов, включающей индивидуальное бессознательное, то научный интерес К.-Г. Юнга сосредоточен на коллективном бессознательном, укорененном в области культуры. Их идеи определили дальнейшие научные исследования архетипов как коллективной памяти народов, заключенной в символах культуры.

Методологической основой исследования российских культурных архетипов выступает цивилизационный подход Н. Я. Данилевского, А. Дж. Тойнби, позволяющий раскрыть роль православия в развитии русской цивилизации [8; 23]. При рассмотрении ценностного ядра русской культуры используются идеи русских философов В. Соловьева, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина и др. [21; 5; 9].

Результаты. Впервые проблема архетипа начала рассматриваться в контексте психоаналитических исследований сферы коллективного бессознательного. В учении К.-Г. Юнга архетипы представляют собой культурный паттерн, содержащий в себе коллективный опыт прошлого, который включает в себе смыслы, образы, установки, определяющие сознание и поведение человека определенной культуры. Согласно ученому, архетипы воплощают в себе незримые, но вполне реальные корни сознания, которые носят надличностный характер. Присутствуя в психике любого человека, архетипы как коллективное бессознательное культуры побуждают людей воспринимать события и реагировать на них определенным образом. В концепции К.-Г. Юнга коллективные бессознательные пласты человеческой психики воплощаются в мифологических образах и представлениях, которые выступают дологическим способом восприятия и объяснения мира.

Анализируя природу мифов, мыслитель указывает на то, что «мифы — это изначально

ные проявления досознательной души, произвольные высказывания о событиях в бессознательной психике...» [27, с. 89]. В этом смысле мифотворчество — это не просто исходная форма познания, осуществляющаяся посредством конкретно-чувственных образов, а глубинный способ обработки и символизации архетипов коллективного бессознательного. К тому же коллективные архетипы заключены не только в мифологических сюжетах и произведениях искусства, они проявляются в повседневной жизни людей, поскольку являются «итогом огромного типического опыта бесчисленного ряда предков...» [27, с. 94].

В русле психоаналитического подхода проблема архетипов исследуется Ж. Лаканом, который связывает сферу бессознательного в человека с процессом символизации в культуре [12; 13]. В понимании природы символа Ж. Лакан выходит за рамки классического психоанализа, предлагая рассматривать человека как субъекта культурной реальности. В качестве последнего человек создает вокруг себя символический мир и живет в этом мире.

Ключевым тезисом мыслителя является его утверждение о том, что «субъект рождается в символическое», то есть конструирует себя посредством символов, одним из которых выступает язык. Человек становится культурным существом только посредством языка, поскольку его биологические влечения преломляются через языковые структуры. В концепции Ж. Лакана язык как символическая реальность является первичным по отношению к субъекту, поскольку «язык с его структурой возникает раньше, чем конкретный субъект на определенной стадии своего умственного развития в него входит» [12, с. 56]. Тем самым символ представляет собой специфическую форму выражения вытесненного бессознательного, проявляющегося в вербальной коммуникации. Таким образом, именно язык формирует символическую матрицу культуры, которая детерминирует восприятие и моделирование человеком окружающего мира.

Концептуализация проблемы архетипов в научном дискурсе способствовала развитию архетипической психологии Д. Хиллмана, который выходит за рамки классического психоанализа и предлагает рассматривать архетипы

как априорные формы коллективных образов, усваиваемые индивидом в процессе социализации. По мнению ученого, именно в процессе интериоризации социального опыта происходит формирование внутренних структур и функций человеческой психики [26].

В дальнейшем проблематика архетипов начинает анализироваться в русле культурологических исследований. В этом аспекте понятие архетипа выходит за рамки сугубо психологических подходов и применяется для описания специфики социокультурных процессов. Культурологические исследования приводят к формированию концепции культурных архетипов.

Различные аспекты исследования культурных архетипов находят отражение в работах российских ученых Ю.А. Вьюнова, Н.С. Ищенко, В.В. Лыткина, М.Н. Любавина, Н.П. Мониной и др. [7; 10; 15; 16; 17]. Под культурными архетипами авторы понимают «архаические первообразы, символически представляющие человека, его место в мире и обществе, воплощающие ценностные ориентации, задающие образцы жизнедеятельности людей» [16, с. 7]. В этом плане культурные архетипы представляют собой «негенетическую» коллективную память, выступающую основой для формирования идентичности народа, сохранения и трансляции духовного опыта предыдущих поколений [15].

По мнению авторов, культурные архетипы как духовные матрицы общества характеризуются следующими свойствами [17]:

- а) универсальностью (наличием архетипических установок во всех культурах);
- б) внерациональностью (присутствием на дологическом уровне мышления человека);
- в) повторяемостью (воспроизводство архетипов на всех этапах исторического развития общества);
- г) символичностью (проявление архетипа в культурных символах, а именно: в мифах, сказках, искусстве, в языке);
- д) инвариантностью (неизменность, устойчивость архетипических образов в культуре).

Причем культурные архетипы не только позволяют сохранять традиции, идеалы, символы прошлого, но и предопределяют настоящее и будущее общества. Иначе говоря, латентно присутствуя в структурах коллективного опыта народа, архетипы незримо воздействуют

на сознание и поведение людей, определяя ценностные ориентации и особенности институциональной среды. Влияние культурных архетипов на историческую динамику социума дает основание утверждать, что они способны обеспечивать безопасность общества. Последнее, в первую очередь, проявляется в их способности сохранять и воспроизводить формы социальной жизни, характерные для определенного типа и уровня развития общества.

Исследователи обращают внимание на то, что «в случае разрушения, ломки культурных архетипов, замещения их чужеродными элементами культурная система утрачивает свою органичность, способность к самовоспроизведению, самосохранению и самовыражению» [17, с. 289]. Таким образом, в основе устойчивого развития общества лежит его аутентичность своим культурным архетипам, которые выступают в качестве духовных констант, обеспечивающих защиту и преемственность культурных форм жизни.

Обращаясь к анализу ценностного ядра русской культуры, исследователи выделяют характерные для нее архетипические установки: коллективизм, приоритет духовных ценностей над материальными, стремление к правде и справедливости, идея мессианства. Эти архетипы прочно укоренены в ментальности русского народа и актуализируются в кризисные периоды истории страны. Так, по мнению ученых, идеология мессианства пронизывает всю историю развития российского государства, вербализуясь в концептах «Москва — третий Рим», «Святая Русь», которые отражают установки «богоизбранности русского народа как носителя православной веры, стремление к соборности, единению человечества на началах добра и любви. В дальнейшем эти концепты сменяются идеей «Великой России», связанной с построением империи и укреплением самодержавия. Новая версия мессианства обнаруживается в марксизме, где на роль мессии выдвигается пролетариат. На современном этапе вновь становятся популярными идеи об особом пути развития России, ее исторической роли и миссии» [20, с. 15].

Следует отметить, что размышления о духовном назначении России присутствуют в трудах русских философов В.С. Соловьева, Н.С. Трубецкого, Н.А. Бердяева, И.А. Ильина и др. [21; 24; 5; 9]. Их представления об «осо-

бой миссии» России способствовали появлению в философском дискурсе концепта «русская идея», который отражает архетипические черты русской культуры, ее аксиологические основания, определяющие ее самобытность и роль в мировых исторических процессах. Согласно И. А. Ильину, русская идея «формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь...» [9, с. 103].

В русской философской традиции присутствует идея о глубокой связи русской культуры и православия, что дает основание утверждать, что ценностные установки православия являются неотъемлемой составляющей русского культурного архетипа, определяя стремление русского человека к мироустройству на основе добра, правды, справедливости, любви — именно того, что отражает идеал соборности в учении В. С. Соловьева. В то же время воплощение этого замысла требует непомерных духовных усилий и даже жертв, что в реальности находит воплощение в трагических событиях российской истории, а также в великих подвигах, совершаемых русским народом.

Кроме того, мессианская идеология, включенная в русский культурный архетип, детерминирует и специфику политики российского государства, определяя его геополитические проекты. По этому поводу В. С. Соловьев пишет, что «широкая все примиряющая политика — имперская и христианская — есть единственная национальная политика России, потому что только она соответствует лучшим отличительным сторонам русского народного характера» [21].

Укорененность культурных архетипов в социальной жизни любого общества позволяет говорить об их влиянии на функционирование политических институтов, в том числе и на модель государственного управления. Очевидно, что ценностные установки, сложившиеся в глубинных пластах культуры народа, формируют определенные стереотипы политического сознания и поведения людей, касающиеся как взаимоотношения граждан и власти, так и принципов управления обществом. Таким образом, в структуре культурных архетипов присутствуют политические

архетипы или архетипы политической культуры, которые отражают на дорефлексивном уровне понимание политических процессов и принципы государственного устройства.

Надо отметить, что в научной литературе проблема политических архетипов рассматривается в различных аспектах: в контексте анализа политической культуры российского общества [2; 3; 4; 11; 19]; в русле исследований специфики модели российской государственности [6; 22]; в структуре «ментальной матрицы политического поведения» [14; 18]; в рамках тематики архаизации общества [1]. Все эти направления так или иначе обращаются к проблеме политических архетипов как нерелексированных установок и традиций, определяющих политическую культуру общества.

Авторы рассматривают политическую культуру как «часть общей культуры, отражающей уровень политических знаний, чувств, образов, форм поведения политических субъектов...» [2, с. 203]. В этом плане политическая культура является собой не саму политическую реальность, а представление об ее организации, правилах функционирования политических институтов, образах государственного устройства. Эти представления опираются не только на политическую практику, но и на культурные архетипы, определяющие мысли, чувства людей, их восприятие государства и понимание принципов политической жизни общества.

С точки зрения Н. В. Карповой, политическая культура является «системой исторически сложившихся, относительно устойчивых политических ориентаций (представлений, убеждений, чувств, оценок) относительно политической системы, моделей поведения индивидов и групп, а также моделей функционирования институциональных структур политической системы, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса» [11, с. 188]. В данном определении фиксируется наличие архетипов в политической культуре, определяющих политические традиции народов.

Анализ специфики политической культуры российского общества позволил ученым выделить такие ее характеристики, как самодержавность и властоцентричность. По оценке Ю. Пивоварова, российская политическая культура — это, в первую очередь, культура самодержавная, «ключевой характеристикой

которой является властечцентричность, которая есть движущая сила истории. Именно в национальном или региональном лидере заключалась сакральность и символичность политической власти в России» [18, с. 57].

По мнению специалистов, политические архетипы тесно связаны с российской моделью государственности: с одной стороны, они являются производными от процесса ее становления и развития, а другой — определяют и воспроизводят политические традиции управления обществом.

Очевидно, что самодержавный и властечцентричный тип российской государственности может сохранять устойчивость посредством мифологизации и сакрализации власти. Последнее выступает ключевой чертой российской модели государственности, поскольку, как утверждают историки, именно «одновременность принятия христианства и формирование российской государственности привели к сакрализации фигуры правителя (царя) вслед за азиатской моделью власти. Даже в петровскую эпоху, когда Россия переживала модернизацию по западному образцу, государственность формировалась с религиозным уклоном: обожествлялись как общественный договор, так и монархия, что приводило к утверждению особой формы «мирской религии государственности» [6, с. 21].

Надо сказать, что сакральное отношение к власти в качестве политического архетипа присутствует в российском обществе и сегодня, определяя модель современной системы государственного управления. И это отношение проявляется не только «как вера в универсальную правоту начальства, но и в качестве неоправданных иллюзий (мифический “порядок” в стране, который якобы скоро должен наступить, причем исключительно усилиями сверху)» [22, с. 146].

Заключение. Таким образом, на основе архетипов, фиксирующих опыт предшествующих поколений на уровне генотипа народа, формируются политические традиции, которые, опираясь на реальные события и символические образы прошлого, представляют ядро политической культуры общества и матрицу управления страной. Российская управленческая традиция начинает закладываться в недрах процесса становления российской

государственности, которая формируется не только под воздействием климатических условий, геополитического фактора, но и политических архетипов, обеспечивающих историческую преемственность и устойчивость политической системы общества.

Социальная практика показывает, что отказ от своих культурных ценностей, традиций, символов приводит общество к духовной дезориентации и развитию деструктивных явлений. На это обращал внимание еще К.-Г. Юнг, утверждая, что если человек «...освободился от “предрассудков” (так он полагает), но при этом потерял свои духовные ценности... его моральная и духовная традиции нарушились, и он расплывается за это идейной дезориентацией и диссоциацией» [27, с. 45]. Таким образом, цивилизации, отказавшиеся от своих сакральных символов, традиций и идеалов, обречены на гибель.

Очевидно, что особенности политической культуры общества определяются балансом в ней архетипических установок и инновационных тенденций. Их соотношение, с одной стороны, позволяет социальной системе сохранять устойчивость и преемственность, а с другой стороны, обеспечивает ее динамику и развитие. На наш взгляд, эффективность политических институтов обусловлена сочетанием политических традиций общества с инновационными тенденциями, необходимыми для обновления системы и ее соответствия современным требованиям. В этом плане обращение к исследованию влияния архетипов на политическую культуру общества, включающую в том числе и модели государственного управления, является перспективным как в научном, так и в социальном плане.

Список источников

1. Ахиезер А. С. Архаизация как категория общественных наук (на опыте России) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4. №1. С. 89–100.
2. Баранов Н. А. Политическая культура России: традиции и современность // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2015. №208. С. 203–213.
3. Баталов Э. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. №3. С. 115–128.

4. Бенина Л.И. Коллективное бессознательное в массовой политической культуре // Вестник Башкирского университета. 2011. Т. 16. №4. С. 1354–1360.
5. Бердяев Н.А. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 540 с.
6. Витале А. Российская государственность в сравнительной перспективе: русская традиция и западная модель государственного устройства // Новейшая история России. 2013. №3(8). С. 20–36.
7. Вьюнов Ю.А. Русский культурный архетип. Страноведение России. М.: Флинта, 2005. 480 с.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014. 592 с.
9. Ильин И.А. О русской идее // Среднерусский вестник общественных наук. 2007. №4(5). С. 103–107.
10. Ищенко Н.С. Русский культурный архетип как основание русской модерности // Вестник развития науки и образования. 2018. №7. С. 57–65.
11. Карпова Н.В. Политическая культура как структурный элемент механизма функционирования политических систем // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2016. Т. 22. №1. С. 182–199.
12. Лакан Ж. Изнанка психоанализа. Книга 17 (1969–1970) / Пер. с фр. А Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2008. 272 с.
13. Лакан Ж. Символическое, Воображаемое и Реальное // Имена Отца. М.: Гнозис; Логос, 2006. 160 с.
14. Лубский А.В. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе // Журнал социологических исследований. 2017. Т. 2. №2. С. 15–33.
15. Лыткин В.В., Гегамян Ю.А. Кросс-культурные коммуникации как феномен культурного архетипа // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2020. №4(36). С. 85–94.
16. Любавин М.Н. Архетипическая матрица русской культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2002. 24 с.
17. Моница Н.П. Культурный архетип: современные подходы к осмыслению феномена // Мир науки, культуры, образования. 2011. №2(27). С. 289–291.
18. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. М.: РОССПЭН, 2006. 170 с.
19. Пивоваров Ю.С. Русская политическая культура и political culture (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. 2002. №3. С. 23–50.
20. Попова С.В. Ценностные архетипы русского народа // Общество: философия, история, культура. 2020. №3(71). С. 13–15.
21. Соловьев В.С. Мир Востока и Запада // Собрание сочинений. 1896. Т. 7. [Электронный ресурс]. URL: http://odinblago.ru/soloviev_7/17 (дата обращения: 17.11.2022).
22. Титов В.В. Российская модель управления: опыт геополитического и социокультурного анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2004. №3–4. С. 143–149.
23. Тойнби А. Дж. Постигание истории: Сборник / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова. М.: Рольф, 2001. 640 с.
24. Трубецкой Н.С. Евразийство: избранное. М.: ИНФРА-М, 2016. 357 с.
25. Фрейд З. Я и Оно. М.: Эксмо, 2015. 689 с.
26. Хиллман Дж. Архетипическая психология. М.: Когито-Центр, 2006. 351 с.
27. Юнг К.-Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.

References

1. Ahiezer A.S. Arhaizacija kak kategorija obshhestvennyh nauk (na opyte Rossii) [Archaization as a category of social sciences (on the experience of Russia)]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. 2001; 4(1): 89–100. (In Russ.).
2. Baranov N.A. Politicheskaja kul'tura Rossii: tradicii i sovremennost' [Political culture of Russia: traditions and modernity]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Proceedings of the St. Petersburg State Institute of Culture]. 2015; (208): 203–213. (In Russ.).
3. Batalov Je. Politicheskaja kul'tura Rossii skvoz' prizmu civic culture [Political culture of Russia through the prism of civic culture]. *Pro et Contra*. 2002; (3): 115–128. (In Russ.).
4. Benina L. I. Kollektivnoe bessoznatel'noe v massovoj politicheskoi kul'ture [Collective unconscious in mass political culture]. *Vestnik*

Bashkirskogo universiteta [Bulletin of Bashkir University]. 2011; 16(4): 1354–1360. (In Russ.).

5. Berdjaev N.A. Sud'ba Rossii [The Fate of Russia]. Moscow: Svarog i K, 1997. 540 p. (In Russ.).

6. Vitale A. Rossijskaja gosudarstvennost' v sravnitel'noj perspektive: russkaja tradicija i zapadnaja model' gosudarstvennogo ustrojstva [Russian statehood in a comparative perspective: The Russian tradition and the Western model of government]. *Novejšaja istorija Rossii* [The Modern history of Russia]. 2013; 3(8): 20–36. (In Russ.).

7. V'junov Ju. A. Russkij kul'turnyj arhetip. Stranovedenie Rossii [Russian cultural archetype. Country studies of Russia]. Moscow: Flinta, 2005. 480 p. (In Russ.).

8. Danilevskij N. Ja. Rossija i Evropa. Jepocha stolknovenija civilizacij [Russia and Europe. The Epoch of the clash of civilizations]. Moscow: Algoritm, 2014. 592 p. (In Russ.).

9. Il'in I. A. O russkoj idee [About the Russian idea]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. 2007; 4(5): 103–107. (In Russ.).

10. Ishhenko N. S. Russkij kul'turnyj arhetip kak osnovanie russkoj modernosti [Russian cultural archetype as the foundation of Russian modernity]. *Vestnik razvitija nauki i obrazovanija* [Bulletin of the Development of Science and Education]. 2018; (7): 57–65. (In Russ.).

11. Karpova N. V. Politicheskaja kul'tura kak strukturnyj jelement mehanizma funkcionirovanija politicheskikh sistem [Political culture as a structural element of the mechanism of functioning of political systems]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sociologija i politologija* [Bulletin of the Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science]. 2016; 22(1): 182–199. (In Russ.).

12. Lakan Zh. Iznanka psihoanaliza. Kniga 17 [The wrong side of psychoanalysis. Book 17] (1969–1970). Per. s fr. A Chernoglazova. Moscow: Gnozis; Logos, 2008. 272 p. (In Russ.).

13. Lakan Zh. Simvolicheskoe, Voobrazaemoe i Real'noe [Symbolic, Imaginary and Real]. *Imena Otca* [Names of the Father]. Moscow: Gnozis; Logos, 2006. 160 p. (In Russ.).

14. Lubskij A. V. Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedenija v rossijskom obshhestve [Mental programs and models of social behavior in Russian society]. *Zhurnal sociolog-*

icheskikh issledovanij [Journal of Sociological Research]. 2017; 2(2): 15–33. (In Russ.).

15. Lytkin V. V., Gegamjan Ju. A. Krosskul'turnye kommunikacii kak fenomen kul'turnogo arhetipa [Cross-cultural communications as a phenomenon of cultural archetype]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo* [Humanities Bulletin of Tolstoy State Pedagogical University]. 2020; 4 (36): 85–94. (In Russ.).

16. Ljubavin M. N. Arhetipicheskaja matrica russkoj kul'tury: avtoref. dis. ... kand. filos. Nauk [The archetypal matrix of Russian culture: Ph. D. (Philosophy) Thesis]. Nizhnij Novgorod, 2002. 24 p. (In Russ.).

17. Monina N. P. Kul'turnyj arhetip: sovremennye podhody k osmysleniju fenomena [Cultural archetype: modern approaches to understanding the phenomenon]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture, education]. 2011; 2(27): 289–291. (In Russ.).

18. Pivovarov Ju. S. Russkaja politika v ee istoricheskom i kul'turnom otnoshenijah [Russian politics in its historical and cultural relations]. Moscow: ROSSPJEN, 2006. 170 p. (In Russ.).

19. Pivovarov Ju. S. Russkaja politicheskaja kul'tura i political culture (Obshhestvo, vlast', Lenin) [Russian political culture and political culture (Society, power, Lenin)]. *Pro et Contra*. 2002; (3): 23–50. (In Russ.).

20. Popova S. V. Cennostnye arhetipy russkogo naroda [Value archetypes of the Russian people]. *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2020; 3(71): 13–15. (In Russ.).

21. Solov'ev V. S. Mir Vostoka i Zapada [The World of the East and the West]. *Sobranie sochinenij* [Collected Works]. 1896. Vol. 7. [Elektronnyj resurs]. URL: http://odinblago.ru/soloviev_7/17 (data obrashhenija: 17.11.2022). (In Russ.).

22. Titov V. V. Rossijskaja model' upravlenija: opyt geopoliticheskogo i sociokul'turnogo analiza [Russian management model: experience of geopolitical and socio-cultural analysis]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management]. 2004; (3-4): 143–149. (In Russ.).

23. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii: Sbornik [Comprehension of history: A collection]. Per. s angl. E. D. Zharkova. Moscow: Rol'f, 2001. 640 p. (In Russ.).

24. Trubeckoj N.S. Evrazijstvo: izbrannoe [Eurasianism: selected]. Moscow: INFRA-M, 2016. 357 p. (In Russ.).

25. Frejd Z. Ja i Ono [I and It]. Moscow: Jeksmo, 2015. 689 p. (In Russ.).

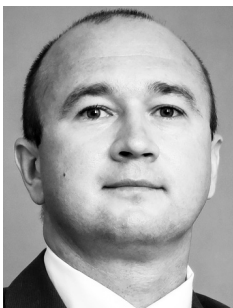
26. Hillman Dzh. Arhetipicheskaia psihologija [Archetypal psychology]. Moscow: Kogito-Centr, 2006. 351 p. (In Russ.).

27. Jung K.-G. Arhetip i simbol [Archetype and symbol]. Moscow: Renessans, 1991. 304 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 22.12.2022; принята к публикации 24.12.2022.

The article was submitted on 15.12.2022; approved after reviewing on 22.12.2022; accepted for publication on 24.12.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Старовойтов Александр Игоревич — директор инженерингового центра «Сквозные производственные технологии», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Alexander I. Starovoitov — Director of the engineering center «End-to-end Production Technologies», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia
